

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1927-1935
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1927

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Evolution of the Tactics of the Social Revolutionary Terror in the Period of 1902–1907

Pavel S. Seleznev ^{a,*}, Stanislav P. Mitrakhovich ^a, Daniel V. Petrosyants ^a, Natalia V. Malanicheva ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

The present study is devoted to the question of the evolution of the tactics of the Social Revolutionary terror in the period 1902–1907. The aim of the work is to assess the dynamics of the terrorist tactics of the Social Revolutionaries in the period 1902–1907 taking into account the influence of external and internal factors. The research methodology includes elements of structural, diachronic and descriptive analysis. The source base of the work includes a corpus of sources of personal origin and documents from the funds of the Central Committee of the Socialist-Revolutionary Party (RGASPI), and the Police Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire (GARF). Based on the results of the research, it was concluded that initially the leadership of the Social Revolutionaries was not focused on the use of terror as the main element of the political struggle. However, the circumstances of the party's genesis associated with the participation of active supporters of terrorist methods in its creation, the absence of a broad social base in the early stages of its existence, and the image results of major actions of the period 1902–1904 contributed to a significant increase in the popularity of these methods. During the revolution of 1905–1907 the leadership of the party has repeatedly suspended terrorist acts for political reasons and even intended to completely abandon this form of activity. However, in practice, the significance of the relevant decisions was leveled by a rather high degree of autonomy of the local cells of the party. Initially, the party concentrated on the implementation of political terror, aimed exclusively at representatives of the top leadership of the empire. However, with the beginning of the revolution of 1905–1907, the terror not only acquired a mass character, but also acquired a multi-vector character. Not only representatives of the authorities, but also private individuals, who acted in the eyes of ordinary party supporters as “exploiters”, began to act as its objects. The leadership of the AKP eventually decided to abandon the “factory” and “agrarian” terror, despite the widespread support for these forms of activity on the ground. At the same time, over time, the local structures of the Social Revolutionary terrorists began to lose their original specialization due to the acquisition of new functions related to solving the pressing problems of party cells.

Keywords: socialist-revolutionaries, terror, revolution of 1905–1907, militant organization, expropriations.

1. Введение

История эсеровского террора по праву считается одним из наиболее значимых аспектов революционного процесса в начале XX в. Однако ее реконструкция в рамках научной системы знаний по-прежнему остается предметом для дискуссий среди экспертов. Зачастую террористическая тактика эсеров позиционируется как в целом статичный элемент методологии борьбы либо раскрывается преимущественно в морально-этическом контексте, в рамках критики терроризма как такового.

При этом за рамками обсуждения зачастую остаются как конфликты по вопросам использования террора внутри эсеров, так и развитие соответствующей тактики в организационном

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), ol87691@gmail.com (O.V. Panina), 7226905@mail.ru (V.N. Belik), bagreg@yandex.ru (E.G. Bagreyeva)

плане и в контексте политического целеполагания. Малоизученными остаются вопросы о реакции потенциальных сторонников эсеров на разные формы террора и проблемных аспектах взаимодействия центральных и местных органов партии в рамках выстраивания единого курса по вопросам политического насилия.

Помимо того, внимание исследовательского сообщества к теме эсеровского террора обуславливает наличие задачи историографической ревизии в ключе избавления от последствий влияния социальной конъюнктуры и политического заказа на систему научных представлений об этом предмете. В данном случае необходимо подчеркнуть, что дискурсивные рамки обсуждения темы зачастую задавались именно политическим контекстом, в силу чего оценки относительно террористической активности эсеров детерминировались в первую очередь спецификой того или иного мемориального режима. Наиболее ярко это проявлялось в случае советской историографии. Реконструкция событий начала XX в. в данном случае не могла содержать принципиальных расхождений с позицией, закреплённой в источниках ещё основателями советской государственности.

Целью представленной работы является оценка динамики террористической тактики эсеров в период 1902–1907 гг. с учетом влияния внешних и внутренних факторов.

Выбор хронологических рамок исследования обусловлен следующими обстоятельствами: нижняя временная планка соответствует периоду начала террора партии против представителей центрального руководства империи, верхняя – завершению революции 1905–1907 гг., когда после пикового всплеска практика использования эсерами политического насилия начала затухать в общероссийских масштабах.

2. Материалы и методы

Источниковая база представленной статьи сформирована в первую очередь за счет привлечения делопроизводственных документов фонда Центрального комитета партии эсеров, хранящегося в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), и материалов фонда Департамент полиции Министерства внутренних дел Российской империи (Государственный архив Российской Федерации – ГАРФ).

Также при написании исследования использовался широкий круг источников личного происхождения (Вознесенский, 1928; Герасимов, 2004; Гончаров, 1930; Дейч, 1926; Кальманович, 1928; Козлинина, 1913; Кошко, 1916; Мартынов, 2004; Нестроев, 1910; Новицкий, 1991).

Методология исследования включает в себя элементы дескриптивной, диахронной и структурной разновидностей анализа. Дескриптивный анализ дал возможность аналитическим образом обозреть эволюцию террористической тактики эсеров как единый процесс. Диахронный анализ позволил исследовать эсеровский террор в контексте причинно-следственных связей с учетом обстоятельств происхождения изучаемого предмета и влияния на него внешних факторов. При помощи структурного анализа был реконструирован организационный контур управления террором в динамике его развития.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии заявленная тема изучалась преимущественно в ключе исследования противодействия терроризму со стороны правоохранительных органов и влияния революционного насилия на ситуацию внутри административных элит, при этом авторы полагались преимущественно на источники личного происхождения (Берман, 1913; Гредескул, 1912). В советский период эсеровский террор нашел широкое освещение в работах историков, основанных преимущественно на анализе делопроизводственных материалов. Однако в соответствии с положениями официальной идеологии, террористическая активность эсеров так или иначе интерпретировалась с позиций, закреплённых в творческом наследии лидеров большевистской партии (Грачев, 1982; Гусев, 1975; Жуков, 1979; Луначарский, 1922; Черномордик, 1929).

В современный период исследователи провели ревизию части аспектов заявленной темы с позиции объективизма и с учетом ввода в научный оборот новых источников. Однако в то же время для некоторых исследований также характерна осязаемая степень политизации и интерпретации фактов сквозь призму ранее сложившихся в историографии стереотипов (Будницкий, 1994; Булдаков, 1997; Варфоломеев, 2008; Варфоломеев, 2009; Вахрушев, 2001; Галкин, 1996; Гинев, 1999; Головков, 2005; Ермаков, 1996; Кузнецов, 2010; Морозов, 1995; Шарапов, 2009).

4. Результаты

В массовом порядке эсеры использовали тактику террора в период с середины весны 1902 по конец лета 1911 гг. Масштабы террористической активности эсеров охватывали почти всю территорию империи, на которой присутствовала развитая транспортная инфраструктура. Общее число подданных империи, пострадавших за этот период от действий террористов-эсеров, оценивается в пределах до 17 тыс. убитых и раненых. Лишь за период революции 1905–1907 гг. жертвами эсеровского террора стало около 4,5 тыс. представителей государственной власти (включая

убитых и раненых). Террористические акции зачастую не обходились без «сопутствующих жертв»: непредумышленно эсерами было убито около 2,2 тыс. и ранено приблизительно 2,5 тыс. частных лиц, не имевших отношения к административному, военному или полицейскому аппарату (Головков, 2005: 72; Черномордик, 1929: 33).

Партия приступила к активному использованию тактики террора едва ли не сразу после своего формального возникновения в начале 1901 г. В данном случае необходимо подчеркнуть, что, безусловно, процесс генезиса партии социалистов-революционеров носил длительный и сложный характер, и его начало датируется приблизительно рубежом 1894–1895 гг., когда начали формироваться многие политические объединения, выступившие впоследствии в роли первоосновы партии эсеров. Однако в полноценном и устойчивом виде она сформировалась только в начале XX в. (Гредескул, 1912: 7; Вознесенский, 1928: 53).

Вполне обоснованно принято считать, что выбор эсерами тактики политического террора был обусловлен во многом тем, что партия выстраивалась на основе принципа лояльности неонародническим традициям. Однако также нужно признать, что большую роль в принятии соответствующих решений сыграла специфика личных политических взглядов лидеров объединений, выступивших в роли организационной основы партии эсеров. В качестве наглядного примера в данном случае можно привести действовавшую на территории Украины и Белоруссии Рабочую партию политического освобождения России (РППОР), которой руководил Г.А. Гершуни – будущий глава Боевой организации эсеров. В программе данной партии террор был изначально обозначен в качестве основного средства борьбы с действующей властью, чему сопутствовала декларация необходимости создания специализированной структуры с целью ведения соответствующей деятельности (Будницкий, 1994: 204; Варфоломеев, 2008: 25).

Партия эсеров на момент своего создания была крайне малочисленной и к началу революции 1905–1907 гг. не сумела добиться значимых успехов с точки зрения рекрутирования новых сторонников (ее численность достигала около 2,6 тыс. человек), что существенно ограничивало потенциал партии. И именно террор рассматривался в качестве средства преодоления этого барьера. За счет данного инструмента «недостаток численной силы заменялся энергией действия». Предполагалось, что его применение в отношении наиболее влиятельных чиновников будет способствовать росту авторитета эсеров среди широких масс населения и одновременно вынудит власти с осторожностью действовать в отношении манифестаций и иных акций революционеров, мотивируя армию и полицию отказаться от чрезмерного насилия в отношении протестующих. Исходя из этого, можно заключить, что идеологи эсеров фактически игнорировали опыт применения террора как российскими, так и зарубежными революционерами, поскольку ни в одном из известных на тот момент кейсов использование данных методов не приводило к смягчению репрессивной политики властей и значимому увеличению численности членов революционных структур. В то же время необходимо подчеркнуть, что в программных установках эсеров систематический террор прочно увязывался с организацией массовых рабочих манифестаций. Также подчеркивалось, что террор не может носить реактивный и неорганизованный характер и должен проводиться системно именно по линии партии. Таким образом, эсеры, по крайней мере, формально, не абсолютизировали террор на этапе возникновения своей партии (Галкин, 1996: 112; Герасимов, 2004: 83; Дейч, 1926: 21; РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2. Л. 54).

В «Основных положениях программы Союза социалистов-революционеров» террор позиционировался в качестве средства пропаганды и агитации. Его описывали как форму «открытой, совершающейся на глазах своего народа борьбы, подрывающей обаяние правительственной власти, доказывающей возможность этой борьбы и вызывающей к жизни новые революционные силы, рядом с непрерывающейся устной и печатной пропагандой» (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3. Л. 17).

В то же время необходимо подчеркнуть, что далеко не все лидеры партии и ее территориальные отделения поддерживали террористические методы. В частности, против их применения выступали как многие отделения, действовавшие на юге европейской части империи, так и некоторые находившиеся в эмиграции лидеры эсеров, такие как Л.Э. Шишко и А.О. Бонч-Осмоловский (Гусев, 1975: 39-40).

Первой формализованной структурой эсеров, призванной реализовывать функцию проведения террора, стала созданная в сентябре 1901 г. особая «инициативная группа», позже получившая название Боевой организации. При этом ее статус носил достаточно сложный характер, поскольку по формальным основаниям она не относилась к партийной структуре. Даже связь боевой организации с Центральным комитетом (ЦК) эсеров осуществлялась через особого уполномоченного. При этом же Боевой организации официально придавалась роль «охранительного отряда партии». Подобные противоречия, вероятно, были обусловлены сочетанием двух разнонаправленных векторов в плане управления террором. С одной стороны, руководство Боевой организации желало обладать максимальной степенью автономии, фактически придавая данной структуре экстраординарный характер. С другой – излишнее обособление могло повлечь за собой трудности со снабжением ресурсами и использованием потенциала местных ячеек партии. В данном случае важно подчеркнуть, что изначально Боевая организация действовала независимо от территориальных отделений эсеров,

однако по мере сокращения ее численности и увеличения давления со стороны правоохранителей изоляция от основной части партии превратилась в значимый негативный фактор (Жуков, 1979: 34; Луначарский, 1922: 21).

Боевой организации было доверено проведение «центрального террора», т.е. акций, направленных против наиболее значимых представителей действующей власти и призванных вызвать широкий общественный резонанс. Первым актом «центрального террора» стало убийство министра внутренних дел Д.С. Сипягина в апреле 1902 г. При этом важно отметить, что руководство партии и Боевой организации вскоре после убийства министра обозначило публично, что террористические акции призваны усилить и дополнить, но не подменить собой массовые формы работы с потенциальными сторонниками партии. Данная позиция была четко сформулирована в статье «Террористический элемент в нашей программе», изданной в седьмом номере газеты «Революционная Россия» за 1902 г. (в качестве ее авторов выступили В.М. Чернов и Г.А. Гершуни). Однако на практике переход к террористической тактике привел к ее широкой популяризации внутри партии в ущерб иным методам работы. Последнее четко проявилось на прошедшем в июле 1903 г. заграничном съезде эсеров, участники которого активно отстаивали концепцию усиления террора (Нестроев, 1910: 27).

При этом уже в краткосрочной перспективе организационная структура эсеровского террора существенным образом трансформировалась. В начале 1904 г. внутри Боевой организации были выделены московское, петербургское и киевское отделения, получившие однотипные задания в виде ликвидации соответствующих градоначальников и великого князя Владимира Александровича. Однако уже 16–17 марта 1904 г. полиция арестовала большинство членов столичного отделения, вскоре после чего были арестованы несколько ключевых членов московской ячейки. Ввиду крайней малочисленности Боевой организации (максимальное число ее членов за все время существования равнялось 30) это привело к крайнему ослаблению центрального аппарата эсеровского террора. В дальнейшем Боевой организации так и не удалось повысить свою численность до прежнего уровня, количество ее членов составляло около 10–15 человек (Морозов, 1995: 252; Шарапов, 2009: 181).

На этом фоне начали активно формироваться региональные структуры эсеров-террористов в формате так называемых летучих боевых отрядов, осуществлявших «акции возмездия» в пределах нескольких губерний одновременно (Морозов, 1995: 253).

Эта организационная перестройка в целом совпала по времени с изменением подхода партии к использованию террористической тактики. После издания Манифеста 17 октября 1905 г. Центральный комитет ПСР постановил временно прекратить теракты, но затем сделал исключение для акций, направленных против организаторов подавления революционных выступлений либо осуществляемых на основе прямых распоряжений ЦК (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 41).

Данное решение было результатом компромисса между фракцией, настаивавшей на необходимости перехода к борьбе на «конституционном поле» (наиболее ярко это позицию выражали М.Р. Гоц и Л.Э. Шишко), и группой, возглавляемой В.М. Черновым, который настаивал на том, что уступки со стороны властей являются временной мерой, и после укрепления своих позиций монархия непременно предпримет «контрнаступление». С учетом данных обстоятельств В.М. Чернов настаивал на необходимости временного и ограниченного отказа от терактов, а также сохранения Боевой организации (Кузнецов, 2010: 31).

Первоначально возобладали точка зрения Гоца–Шишко: руководство эсеров приняло решение отказаться от террора и распустить Боевую организацию. Однако уже в ноябре 1905 г. представители региональных отделений начали настаивать на необходимости возвращения к террору в качестве реакции на подавление властями крестьянских восстаний. В итоге 4 декабря ЦК было принято решение о частичном возобновлении террора, в том числе – «центрального» (для реализации данной задачи был запущен процесс восстановления «Боевой организации») (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 42. Л. 11).

В следующий раз руководство эсеров приостановило террористические акции в мае 1906 г. (на период предполагаемой осенней сессии Государственной Думы). Впрочем, уже в ноябре того же года это решение было отменено. Внутри ЦК возобладали точка зрения, согласно которой обострение конфликта между властью и революционерами в ближайшей перспективе неизбежно (что, однако, не помещало эсерам участвовать в выборах во II Думу), в силу чего партия должна отказаться от взятых на себя ограничений. При этом возвращение к тактике террора сопровождало признание необходимости экспроприации оружия и денег (при условии контроля со стороны областных комитетов) (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 42. Л. 75).

Однако решение о возобновлении террористической активности вскоре было отменено. Эсеры получили 37 мест в новой Государственной Думе, партия получила парламентский статус, в силу чего на прошедшем 12–15 февраля 1907 г. в Таммерфорсе (Великое княжество Финляндское) II съезде социалистов-революционеров было принято решение временно ослабить террор (Кузнецов, 2010: 34).

Однако описанные выше решения на практике затрагивали преимущественно центральный аппарат террора в лице Боевой организации. К тому времени, помимо летучих боевых отрядов, были созданы боевые дружины местных комитетов партии. Они формировались из активистов на местах и подчинялись на практике региональным органам партии. В некоторых случаях данные структуры

комплектовались фактически из криминальных элементов и подчинялись лишь своему непосредственному руководству, представляя собой скорее концентрирующиеся на грабежах банды, чем полноценные террористические ячейки. Пребывание многих авторитетных лидеров партии, обладавших организационными навыками, в эмиграции либо в ссылке создавало при этом благоприятные условия для автономизации террористических структур на местах. В данном случае необходимо подчеркнуть, что В.М. Чернов играл в партии скорее роль стратега и идеолога, но не обладал навыками, необходимыми для налаживания повседневного функционирования организации как единой структуры. В то же время руководство Боевой организации всячески стремилось сохранить за собой статус обособленной структуры с высоким барьером доступа для новых членов. Его представители (как и большинство членов ЦК) скептически относились к идее превращения Боевой организации в центр принятия решений в рамках выстраивания террористической активности. Принцип сетевого построения структур эсеров-террористов затруднял для правоохранителей борьбу с ними, но в то же время делал невозможным выстраивание полноценной системы централизованного управления террором. Ситуацию усугубляло то, что с началом широкомасштабного использования экспроприаций местные ячейки эсеров приобрели собственный источник приобретения денежных средств и оружия, что закономерно ослабляло их зависимость от ЦК (Гончаров, 1930: 35; РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 37. Л. 58-60; Кошко, 1916: 55).

Как следствие, решения ЦК зачастую слабо влияли на действия местных партийных органов и затрагивали преимущественно Боевую организацию и действовавшие в «столичных» губерниях летучие отряды (Нестроев, 1910: 38-39).

При этом также наблюдалось постепенное расширение числа специфических форм эсеровского террора. К моменту начала революции 1905–1907 гг. на уровне руководства партии были признаны лишь две формы террора – «политический» (заклучавшийся в ликвидации высокопоставленных представителей органов власти на общероссийском и местном уровнях по решению соответствующих структур во внутрипартийной иерархии) и «аграрный». В последнем случае речь шла о насильственной деятельности, в качестве объекта которой выступали личность или имущество землевладельцев – «экономических угнетателей крестьянства». Данная форма террористической деятельности проявлялась посредством вооруженных нападений и убийств крупных и средних землевладельцев (чаще всего – помещиков), уничтожения или захвата их собственности. «Аграрный террор», начиная с 1904 г., продвигала с разрешения ЦК группа эсеров-максималистов во главе с М.И. Соколовым. Необходимо отметить, что собственно члены партии в данном случае выступали скорее в качестве организаторов и методистов. Непосредственными же исполнителями чаще всего были группы «распропагандированных» крестьян, именовавшихся «братствами» (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 5. Л. 20-22).

В скором времени «аграрный террор» был дополнен «фабричной» формой. Следует подчеркнуть, что центральное руководство партии выступало резко против «фабричного террора», однако это мало влияло на низовую активность. «Фабричный террор» фокусировался как на насилии в отношении управляющих, директоров и мастеров на фабричных предприятиях, так и на причинении собственникам экономического ущерба посредством порчи оборудования и уничтожения хозяйственных построек (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 327. Ч. 9. Л. 50; Нестроев, 1910: 22).

Необходимо отметить, что «аграрная» и «фабричная» разновидности террора находили в период революции 1905–1907 гг. широкий отклик как среди крестьян и рабочих, так и со стороны представителей низовых ячеек партии. Однако ЦК ПСР к концу революции приняло решение отказаться от данных форм террористической деятельности (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 45. Л. 10).

Рост числа революционных выступлений в армии и на флоте ожидаемо повлек за собой возникновение специфической формы «военного террора». Его отличительной чертой являлось стремление эсеров уйти от прямого участия в ликвидации офицеров, находящихся на стороне действующей власти. Первоочередными целями «военного террора» являлись подготовка и мотивация солдат и матросов к самостоятельным действиям против командования, в том числе – в рамках восстаний (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 235. Д. 1613. Л. 9).

Также широкое распространение получила практика «тюремного террора». В качестве ее объектов выступали представители судебной и пенитенциарной систем, ставшие известными благодаря наиболее суровым приговорам или жестокому обращению с заключенными. В качестве примера в данном случае можно привести убийство начальника губернской тюрьмы в Саратове, совершенное боевиками дружины регионального комитета эсеров 13 мая 1906 г. Помимо того, члены боевых дружин эсеров регулярно совершали нападения на представителей полиции, пытались освободить членов и сторонников партии из-под стражи (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 701. Л. 77; Кальманович, 1928: 49).

Имел место и «полицейский террор», направленный против правоохранителей. Так, в январе 1906 г. в Пензе был убит Д.Д. Кандауров, возглавлявший полицейский аппарат в административном центре губернии. В декабре 1907 г. самарские эсеры ликвидировали главу губернского жандармского управления полковника М.П. Боброва (Галкин, 1996: 139, 151).

Отдельно необходимо отметить, что на фоне увеличения числа форм террора имело место и размывание «центральной» его разновидности. С течением времени и Боевая организация, и террористические группы местных ячеек партии все чаще нарушали принцип функционального разделения. Наглядным примером в данном случае может служить ликвидация генерал-адъютанта В.В. Сахарова летучим отрядом эсеров в Поволжье в ноябре 1905 г., во время посещения чиновником Саратовской губернии (Мартынов, 2004: 35; Новицкий, 1991: 49).

Одновременно можно зафиксировать начало существенного расширения задач террористических структур местных ячеек эсеров. По мере развития революционного процесса их все чаще использовали для решения задач, не имеющих отношения к ликвидации представителей власти. В частности, им передавались функции выявления и уничтожения провокаторов, проведения экспроприаций и охраны митингов. Последняя форма деятельности стала для эсеров-террористов едва ли не основной в период 1906–1907 гг. При этом вопреки решению центральных органов партии в качестве объектов экспроприации избирались в том числе частные лица. Так, боевая дружина Самарского комитета эсеров летом–осенью 1906 г. совершила серию нападений на винные лавки. При этом неоднократно выявлялись злоупотребления: часть полученных средств утаивалась от ЦК и либо направлялась на нужды местных ячеек партии, либо присваивалась отдельными функционерами (Козлинина, 1913: 23; РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 2. Д. 32. Л. 47).

5. Заключение

В целом можно заключить, что изначально руководство эсеров не было ориентировано на использование террора в качестве основного элемента политической борьбы. Однако обстоятельства генезиса партии, связанные с участием в ее создании активных сторонников террористических методов, отсутствие широкой социальной базы на первых этапах существования и имиджевые результаты крупных акций периода 1902–1904 гг. способствовали значительному росту популярности соответствующих методов. В период революции 1905–1907 гг. руководство партии неоднократно приостанавливало проведение террористических актов из политических соображений и даже намеревалось полностью отказаться от данной формы деятельности. Однако на практике значение соответствующих решений нивелировалось достаточно высокой степенью автономии местных ячеек партии. Первоначально партия концентрировалась на реализации политического террора, направленного исключительно на представителей высшего руководства империи. Однако с началом революции 1905–1907 гг. террор приобрел не только массовый, но и многовекторный характер. В качестве его объектов начали выступать как представители власти, так и частные лица, выступавшие в глазах рядовых сторонников партии в качестве «эксплуататоров». Руководство ПСР в итоге приняло решение отказаться от «фабричного» и «аграрного» террора, несмотря на широкую поддержку данных форм активности на местах. При этом с течением времени местные структуры эсеров-террористов начали утрачивать первоначальную специализацию за счет приобретения новых функций, связанных с решением насущных проблем партийных ячеек. В том числе они переключались на проведение экспроприаций, что в целом разлагающим образом отразилось на состоянии партийных кадров. В целом можно отметить, что руководству эсеров так и не удалось наладить эффективную систему управления террором, что было отчасти связано с выбранным партией сетевым принципом организации политического насилия, отчасти – наличием низкого организационного потенциала у действующего состава ЦК. Последнее обусловило утрату полноценного контроля за террористической активностью и, как следствие, возможности полноценно использовать ее в качестве инструмента борьбы. Политический террор, хотя и повышал роль партии в глазах общественности, не привлекал на ее сторону широкие массы, поскольку прямо либо косвенно не был связан с решением наиболее острых вопросов для общества – аграрного, рабочего и т.д. Ликвидация очередного высокопоставленного чиновника не влекла за собой реформ со стороны власти. Рост массовой поддержки партии частично обеспечивал экономический террор, однако руководство эсеров в итоге отказалось от данной формы работы. Практика функционирования местных ячеек эсеров показала, что для обеспечения их жизнеспособности «силовые» ресурсы партии необходимо использовать для решения иных задач. Таким образом, террористическая тактика эсеров ближе к концу революции 1905–1907 гг. начала исчерпывать свой потенциал, поскольку, с одной стороны, привлекала к партии повышенное внимание со стороны правоохранителей, а с другой – не позволяла далее расширять базу сторонников и добиваться уступок со стороны власти.

Литература

- Берман, 1913 – Берман Я. Влияние социально-правового и экономического фактора на государственную преступность // Право. 1913. № 33. С. 1912-1914.
- Будницкий, 1994 – Будницкий О.В. «Кровь по совести»: терроризм в России. Вторая половина XIX – начало XX вв. // Отечественная история. 1994. № 6. С. 203-209.
- Булдаков, 1997 – Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.

- Варфоломеев, 2008** – Варфоломеев Ю.В. «Русский способ»: Феномен революционного терроризма в России начала XX в. // *Российский исторический журнал*. 2008. № 2. С. 3-51.
- Варфоломеев, 2009** – Варфоломеев Ю.В. Знаменитые судебные процессы по делам революционных террористов в России (1901–1911). Энгельс, 2009.
- Вахрушев, 2001** – Вахрушев В.А. Исторические аспекты терроризма // *Вестник академии военных наук*. 2011. № 2(35). С. 187-196.
- Вознесенский, 1928** – Вознесенский А.Н. Тени прошлого: (По царским судам). Из воспоминаний политического защитника. М., 1928.
- Галкин, 1996** – Галкин В.В. Царская тайная полиция в борьбе с революционным движением в России (1880–1910 гг.). М., 1996.
- Герасимов, 2004** – Герасимов А.В. На лезвии с террористами / «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 141-345.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Головков, 2005** – Головков Г.З. Бунт по-русски: палачи и жертвы: Рандеву с революцией 1905–1907 гг. М., 2005.
- Гончаров, 1930** – Гончаров В.Ф. За Невской заставой: Записки рабочего Алексея Бузинова. М.-Л., 1930.
- Грачев, 1982** – Грачев А.С. Тупики политического насилия: Экстремизм и терроризм на службе международной реакции. М., 1982.
- Гредескул, 1912** – Гредескул Н.А. Террор и охранка. СПб., 1912.
- Гусев, 1975** – Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975.
- Дейч, 1926** – Дейч Л.Г. Провокаторы и террор. По личным воспоминаниям. Тула, 1926.
- Жуков, 1979** – Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979.
- Кальманович, 1928** – Кальманович С.Е. Царская расправа. М., 1928.
- Козлинина, 1913** – Козлинина Е.И. За полвека. 1862–1912 гг. (Пятьдесят лет в стенах суда). Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913.
- Кошко, 1916** – Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914). Новгород-Самара-Пенза. Пг., 1916.
- Кузнецов, 2010** – Кузнецов В.Н. Революционный террор и акты экспроприации в Поволжье в начале XX века // *Вопросы истории*. 2010. № 12. С. 24-38.
- Луначарский, 1922** – Луначарский А.В. Бывшие люди: Очерк истории партии эсеров. М., 1922.
- Мартынов, 2004** – Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов: Воспоминания / «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 28-410.
- Морозов, 1995** – Морозов К.Н. Б.В. Савинков и Боевая организация партии эсеров 1909–1911 гг. // *Минувшее. Исторический альманах*. Выпуск 18. М.-СПб., 1995. С. 243-317.
- Нестроев, 1910** – Нестроев Г.А. Из дневника максималиста. Париж, 1910.
- Новицкий, 1991** – Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.
- РГАСПИ** – Российский государственный архив социально-политической истории.
- Салтык, 2002** – Салтык Г.А. Неонародническое движение Черноземного Центра России. 1901–1923 гг. М., 2002.
- Черномордик, 1929** – Черномордик С.И. Эсеры (Партия социалистов-революционеров). Харьков, 1929.
- Шарапов, 2009** – Шарапов А.К. Террористический аспект в политической борьбе леворадикальных сил России на рубеже XIX и XX в. // *Вестник алтайской науки*. 2009. № 3. С. 176-189.

References

- Berman, 1913** – Berman, Ya. (1913). Vliyanie sotsial'no-pravovogo i ekonomicheskogo faktora na gosudarstvennuyu prestupnost' [Influence of the socio-legal and economic factor on state crime]. *Pravo*. 33: 1912-1914. [in Russian]
- Budnitskii, 1994** – Budnitskii, O.V. (1994). “Krov' posovesti”: terrorism v Rossii. Vtorayapolovina XIX – nachalo XX vv. [“Blood for Conscience”: Terrorism in Russia. Second half of the 19th – early 20th centuries]. *Otechestvennaya istoriya*. 6: 203-209. [in Russian]
- Buldakov, 1997** – Buldakov, V.P. (1997). Krasnayasmuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya [Red confusion. The nature and consequences of revolutionary violence]. М. [in Russian]
- Chernomordik, 1929** – Chernomordik, S.I. (1929). Esery (Partiya sotsialistov-revolutsionerov) [Socialist-Revolutionaries (Party of Socialist Revolutionaries)]. Khar'kov. [in Russian]
- Deich, 1926** – Deich, L.G. (1926). Provokatory i terror. Po lichnym vospominaniyam [Provocateurs and terror. From personal memories]. Tula. [in Russian]
- Galkin, 1996** – Galkin, V.V. (1996). Tsarskaya tainaya politsiya v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v Rossii (1880–1910 gg.) [Tsarist secret police in the fight against the revolutionary movement in Russia (1880–1910)]. М. [in Russian]

- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation].
- Gerasimov, 2004** – *Gerasimov, A.V.* (2004). Na lezvii s terroristami [On the edge with terrorists]. «Okhranka»: Vospominaniya rukovoditelei okhrannykh otdelenii. T. 2. M.: 141-345. [in Russian]
- Golovkov, 2005** – *Golovkov, G.Z.* (2005). Bunt po-russki: palachi i zherty: Randevu s revolyutsiei 1905–1907 gg. [Revolt in Russian: Executioners and Victims: Rendezvous with the Revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Goncharov, 1930** – *Goncharov, V.F.* (1930). Za Nevskoi zastavoi: Zapiski rabochego Alekseya Buzinova [Behind the Nevskaya Zastava: Notes of the worker Alexei Buzinov]. M., L. [in Russian]
- Grachev, 1982** – *Grachev, A.S.* (1982). Tupiki politicheskogo nasiliya: Ekstremizm i terrorism na sluzhbe mezhdunarodnoi reaksii [Dead Ends of Political Violence: Extremism and Terrorism in the Service of International Reaction]. M. [in Russian]
- Gredeskul, 1912** – *Gredeskul, N.A.* (1912) Terror i okhranka [Terror and secret police]. SPb. [in Russian]
- Gusev, 1975** – *Gusev, K.V.* (1975). Partiya eserov: ot melkoburzhuznogo revolyutsionarizma k kontrevolyutsii [Socialist-Revolutionary Party: from petty-bourgeois revolutionism to counter-revolution]. M. [in Russian]
- Kal'manovich, 1928** – *Kal'manovich, S.E.* (1928) Tsarskaya rasprava [Tsarist massacre]. M. [in Russian]
- Koshko, 1916** – *Koshko, I.F.* (1916). Vospominaniya gubernatora (1905–1914) [Memoirs of the Governor (1905–1914)]. Novgorod-Samara-Penza Pg. [in Russian]
- Kozlinina, 1913** – *Kozlinina, E.I.* (1913). Zapolveka. 1862–1912 gg. (Pyat'desyat let v stenakhsuda). Vospominaniya, ocherki i kharakteristiki [For half a century. 1862–1912 (Fifty years in the walls of the court). Memories, Essays and Characteristics]. M. [in Russian]
- Kuznetsov, 2010** – *Kuznetsov, V.N.* (2010). Revolyutsionnyi terror i aktyekspropriatsii v Povolzh'e v nachale KhKh veka [Revolutionary terror and acts of expropriation in the Volga region at the beginning of the twentieth century]. *Voprosy istorii*. 12: 24-38. [in Russian]
- Lunacharskii, 1922** – *Lunacharskii, A.V.* (1922). Byvshie lyudi: Ocherk istorii partii eserov [Former people: Essay on the history of the Socialist-Revolutionary Party]. M. [in Russian]
- Martynov, 2004** – *Martynov, A.P.* (2004). Moyasluzhba v otdel'nomkorpusezhandarmov: Vospominaniya. «Okhranka»: Vospominaniyarukovoditeleiokhrannykhotdelenii [My service in a separate gendarme corps: Memoirs]. T. 1. M.: 28-410. [in Russian]
- Morozov, 1995** – *Morozov, K.N.* (1995). B.V. Savinkov i Boevaya organizatsiya partii eserov 1909–1911 gg. [Savinkov and the Fighting Organization of the Socialist-Revolutionary Party 1909–1911]. *Minushee. Istoricheskii al'manakh*. Vypusk 18. M., SPb.: 243-317. [in Russian]
- Nestrov, 1910** – *Nestrov, G.A.* (1910). Izdnevnikamaksimalista [Nestrov From the diary of a maximalist]. Parizh. [in Russian]
- Novitskii, 1991** – *Novitskii, V.D.* (1991). Iz vospominanii zhandarma [Novitsky From the memoirs of a gendarme]. M. [in Russian]
- RGASPI** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History].
- Saltyk, 2002** – *Saltyk, G.A.* (2002). Neonarodnicheskoe dvizhenie Chernozemnogo Tsentra Rossii. 1901–1923 gg. [Saltyk Neo-People's Movement of the Black Earth Center of Russia. 1901–1923]. M. [in Russian]
- Sharapov, 2009** – *Sharapov, A.K.* (2009). Terroristicheskii aspekt v politicheskoi bor'be levoradikal'nykh sil Rossii na rubezhe XIX i KhKh v. [The terrorist aspect in the political struggle of the left-wing radical forces in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Vestnik altaiskoi nauki*. 3: 176-189. [in Russian]
- Vakhrushev, 2001** – *Vakhrushev, V.A.* (2011). Istoricheskie aspekty terrorizma [Historical aspects of terrorism]. *Vestnik akademii voennykh nauk*. 2(35): 187-196. [in Russian]
- Varfolomeev, 2009** – *Varfolomeev, Yu.V.* (2009). Znamenitye sudebnye protsessy po delam revolyutsionnykh terroristov v Rossii (1901–1911) [The famous revolutionary terrorist trials in Russia (1901–1911)]. Engel's. [in Russian]
- Varfolomeev, 2008** – *Varfolomeev, Yu.V.* (2008). “Russkiisposob”: Fenomen revolyutsionnogo terrorizma v Rossii nachala XX v. [“Russian Way”: The Phenomenon of Revolutionary Terrorism in Russia at the beginning of the 20th century]. *Rossiiskii istoricheskii zhurnal*. 2: 3-51. [in Russian]
- Voznesenskii, 1928** – *Voznesenskii, A.N.* (1928). Teniproshlogo: (Po tsarskimsudam). Izvospominanii politicheskogo zashchitnika [Shadows of the Past: (According to the royal courts). From the memoirs of a political defender]. M. [in Russian]
- Zhukov, 1979** – *Zhukov, A.F.* (1979). Ideino-politicheskii krakh eserovskogo maksimalizma [The ideological and political collapse of the Socialist-Revolutionary maximalism]. L. [in Russian]

Эволюция тактики эсеровского террора в период 1902–1907 гг.

Павел Сергеевич Селезнев ^а · * , Станислав Павлович Митрахович ^а , Даниэл Викторович Петросянц ^а , Наталья Викторовна Маланичева ^а

^а Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Представленное исследование посвящено вопросу эволюции тактики эсеровского террора в период 1902–1907 гг. Целью работы является оценка динамики террористической тактики эсеров в период 1902–1907 гг. с учетом влияния внешних и внутренних факторов. В основе методологии исследования лежат элементы структурного, диахронного и дескриптивного анализа. Источниковая база работы включает в себя корпус источников личного происхождения, документы из фондов Центрального комитета партии эсеров (РГАСПИ) и Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи (ГАРФ). На основании результатов проведенных изысканий сделан вывод, что изначально руководство эсеров не было ориентировано на использование террора в качестве основного элемента политической борьбы. Однако обстоятельства генезиса партии, связанные с участием в ее создании активных сторонников террористических методов, отсутствие широкой социальной базы на первых этапах существования и имиджевые результаты крупных акций периода 1902–1904 гг. способствовали значительному росту популярности соответствующих методов. В период революции 1905–1907 гг. руководство партии неоднократно приостанавливало проведение террористических актов из политических соображений и даже намеревалось полностью отказаться от данной формы деятельности. Однако на практике значение соответствующих решений нивелировалось достаточно высокой степенью автономии местных ячеек партии. Первоначально партия концентрировалась на реализации политического террора, направленного исключительно на представителей высшего руководства империи. Однако с началом революции 1905–1907 гг. террор приобрел не только массовый, но и многовекторный характер. В качестве его объектов начали выступать как представители власти, так и частные лица, выступавшие в глазах рядовых сторонников партии в качестве «эксплуататоров». Руководство ПСР в итоге приняло решение отказаться от «фабричного» и «аграрного» террора, несмотря на широкую поддержку данных форм активности на местах. При этом с течением времени местные структуры эсеров-террористов начали утрачивать первоначальную специализацию за счет приобретения новых функций, связанных с решением насущных проблем партийных ячеек.

Ключевые слова: эсеры, террор, революция 1905–1907 гг., Боевая организация, экспроприации.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), SPMitrahovich@fa.ru (С.П. Митрахович), DVPetrosyants@fa.ru (Д.В. Петросянц), NVMalanicheva@fa.ru (Н.В. Маланичева)